

ЕКАТЕРИНА АНИКИНА

ТАЙНЫЙ ЛИК

Роман

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445
А67

Редактор АНАСТАСИЯ ШЕВЧЕНКО

Аникина Е.

А67 Тайный лик : [роман] / Екатерина Аникина. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 388 с.

ISBN 978-5-00223-921-4

Молодой иконописец Данилка приезжает в рудничную деревню на поиски пропавшего брата — старателя Степана, имя которого словно стерто: никто о нем не помнит.

Почти столетие назад в этих местах родилась девочка манси, способная слышать голоса гор. Но старый шаман, ее дед, чарами зашивает девочке рот: по традициям их народа, женщинам запрещено говорить с духами.

Две истории, разделенные временем, постепенно сходятся, открывая связь между утратой голоса, вытесненной яростью и насилием над памятью. Данилка сталкивается с собственной темной стороной и с древними силами, не прощающими вторжения.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-921-4

© Е. Аникина, 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Пролог

ДУХ ГОРЫ

*Вот она, значит, какая, Медной горы Хозяйка!
Худому с ней встретиться — горе, и доб-
рому — радости мало.*

П. П. Бажов.
МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА

СТЕПАН. 1778 ГОД. ДЕРЕВНЯ ПОЛЕВАЯ

— Смелый ты али заячья душа? Чего молчишь? Слышишь ли меня?

Степан и рад был ответить, да язык его точно в горле застрял, оттого и смог только закашляться и кивнуть.

— Так смелый?

И снова Степан кивнул и закрутил головой, силясь понять, откуда доносился голос. А он, голос, — доселе ласковый, девичий — вдруг сделался твердым и резким, что боярский кнут:

— Тогда иди к приказчику и скажи ему, Душному Козлу, чтобы он пятую выработку от северной шахты закрывал и не смел дальше в глубь горы лезть! Там — моя вотчина. А послушается — сама ход закрою!

Степан распахнул глаза и тут же осознал себя в постели. В полутемной избе стояла тишь, которую нарушало только дыхание спящей Дарёнки, а в голове всё звенели последние

слова из видения: «Там — моя вотчина. А послушается — сама ход закрою!» Казалось, они-то его и разбудили, но в доме все было мирно: ни духов, ни русалок, ни пришлых девок, только Дарёнка посапывала, прижавшись к его боку.

Но уж больно яркий сон! И голос все дребезжал в ушах, будто кто за спиной у Степана стоял и слова злобно наговаривал: «Там — моя вотчина...» Чья же вотчина в горе-то? Никкак Сама к нему явилась. Жарко сделалось от спящей рядом Дарёнки. Отстранившись, Степан приподнялся, вглядываясь в девичье лицо: в лунном свете, с глазами чуть раскосыми, словно подведенными углем, оно казалось безмятежным. Но миг — и, почувяв его движение, Дарёнка проснулась. Без всякой стыдливости выскользнула из-под укрывавших ее шкур, потягиваясь и чаруя наготой.

— Ты чего?

— Дарён, мне идти нужно.

— Посреди ночи? Далеко ли?

— До приказчика сбегаю, как раз к рассвету и явлюсь.

Мягкая спростыня Дарёнка откинулась на постели, простонав в ответ что-то невразумительное, и Степану подумалось, что она неверно истолкует его внезапный уход.

— Ты не бойся, я вернусь, Дарён. Я женюсь на тебе, как с дедом твоим сговоримся.

— Это еще к чему? — Голос Дарёнки стал таким удивленным, что и сам Степан засомневался в здравости своей мысли.

— Ну как к чему? После нынешней ночи — как по-иному-то?

Дарёнка перевернулась на живот.

— Оставь. Что с того?

— Как оставь, Дарён? А если у тебя дите будет? Не могу я... Я ведь не от похоти к тебе хожу, люблю я...

— Тщ-щ.

Девичьи пальцы пробежались по его груди и прикоснулись к губам.

— Таинство слышишь в ночи? Не спутни его словом. — Привстав на локти, она поцеловала Степана. — Ступай, милый друг, куда нужно, а после и поговорим.

Он вылетел во двор, на ходу завязывая пояс на полушубке. Бросил прощальный взгляд на сонную избу, притихшую в снегах, и поспешил прочь.

Кровь шумела в ушах, от бега становилось все жарче, и полушубок пришлось-таки развязать, но еще за два часа до начала смены он забарабанил кулаком в ворота Душного Козла. Холопы приоткрыли двери и уставились на Степана, как на блаженного: мол, чего явился до зари?

— Пропустите к приказчику, дело есть! — взмолился он.

— Они не вставали еще, поди прочь. — Щель между створками начала исчезать.

— К полудню приходи, глядишь, примет, — уже чуть более мирно донеслось из-за закрытых дверей.

Степан в отчаянии ударил по воротам и крикнул:

— Сама Она ко мне явилась! Наказала из пятой выработки, что от северной шахты тянется, убираться, а не то худо будет.

Звякнула щеколда — и между створками вновь появилась щель, из которой на Степана вылупился серый глаз холопа.

— Ее видал? Где?

— Не видал, да слышал! — Степан прислонился к щели и заговорил горячо и тихо: — Сказала убираться из штольни, ее там вотчина.

— Да где ж слышал-то?

— Во сне явилась!

Проем захлопнулся, послышался лязг щеколды, но больше из-за ворот не донеслось ни звука. Степан постоял, комкая шапку в руках и надеясь услышать, что с той стороны хотя бы посмеются над ним, но холопы будто померли оба, да так и легли за забором.

«Верно, решили, что я сдурел совсем!» — подумал Степан, вдруг ощутив, как холод облизнул его разгоряченную

грудь под распахнутым полушубком. Но сейчас это было к лучшему — остыть да поразмыслить. Штурмом брать ворота приказчика глупо, да и не послушают Степана: сон, видишь ли, ему дурной приснился — взрослому мужику, а он с испуга и жаловаться побежал...

Но если бы то обычный сон был... И так захотелось Степану, чтобы впрямь лишь грезы к нему явились, лишь морок. Тогда мог бы он досыпать в объятиях Дарёнки, целовать ее худые плечи, вишневые губы, но... В досаде Степан ударил шапкой о снег и, отмахнувшись от ворот, холопов и Душного Козла, поспешил к Гумёшкам*. Нельзя было терять времени: если Козлу и прочим нет дела до Горы и ее духа, то старатели, у которых ночная смена в выработке, должны прислушаться к Ее воле. Лишь бы успеть до них эту волю донести, пока не стало поздно.

Сам Степан работал в другой шахте, в той, что к югу, и потому изрядно заплутал, явившись к незнакомому входу и впотьмах разыскивая нужную выработку. Наконец навстречу ему распахнулся выдолбленный туннель высотой в человеческий рост; обдал привычный жар печей, донесся лягз тележек. Степан скользнул мимо рудничного надзирателя и окликнул старшего — Бориса, с которым знавался через два рукопожатия.

— Мне Хозяйка во сне пришла. — Без вступления Степан наклонился к уху старшего. — Приказала убираться из этой выработки.

Борис выпрямился и, обернувшись на товарищей, буркнул:
— Худо...

Звон кирок притих, и рудокопы насторожились, вслушиваясь в разговор.

— Не посмеяться ли решил над нами? — Старшой посмотрел в лицо Степана, но тот выдержал его взгляд и покачал головой.

* Гумёшевский медный рудник.

— Уносить ноги надо поскорее, пока не явилась, — про-
бормотали из темноты.

— Да бог с тобой — сон дурной мальцу приснился, а мы
сразу бежать? Что начальству-то скажем?

— Она просто так во снах не приходит, — прошептали
в ответ.

— В чем дело? — К притихшим работникам подоспел
рудничный надзиратель.

Сам тощий, борода жидкая, да с весомой силой —
двумя охранниками за спиной.

— Ты откуда явился? — Он ткнул пальцем в Степана. —
Не из нашей штольни точно. Иди давай подобра-поздорову,
нечего мне народ отвлекать.

Не успел Степан испугаться надзирателя и плетей в ру-
ках охраны, как старшой Борис закрыл его спиной.

— Хозяйка к нему явилась, сказала убираться отсель.

Один из охранников вздрогнул при упоминании Ее
имени, едва заметно вжал голову в плечи и отступил на шаг,
но надзиратель только затряс бородашкой.

— А мне что с того? Покуда сама во плоти не явится,
приказчик выработку не закроет, так что не выйдем отсюда,
пока не вынесут.

— Не уважаешь ты... — рыкнул Борис, но плетей второго
охранника разрезала воздух, обрывая фразу.

— Будь по-твоему! — Женский смешок зазвенел, эхом
отражаясь от стен.

Все взоры устремились ко входу в выработку, где в свете
печного огня скрестила на груди руки незнакомая девка...
Нет, не девка то явилась — царевна. Степан таких в жизни
не видал: высокая, тонкая, в платье чудном, малахитовом.
Застыли с раззявленными ртами мужики-трудяги, и стар-
шой Борис, и надзиратель с охраной, и сомнений не было
ни у одного, кто стоит перед ними. Забыл Степан, как ды-
шать, глядя на нее, на дивную, с бровями-дугами и косами
черными, до земли, с лицом нездешним, обрамленным

нитями каменного бисера, и глазами-изумрудами, что светились ярко, точно у кошки. И вся царевна была как кошка. И вдруг изогнулась, оскалилась — вот-вот когти выпустит да вопьется.

Почудилось Степану, что стены зашевелились, точно ожили, — это ящерицы тенями помчались по туннелю, а Хозяйка ножкой топнула и запела на языке неведомом, древнем, и такой силой полнилась эта песнь, что сами камни зарокотали с нею голосами подземных богов. А царевна повела плечами, словно танцуя, и вслед за ударами ее пяток задрожала земля, закачалась Гора Медная.

Захрустело, загромыхало, точно гром с небес покатился. Бросился Степан вперед, почуяв, как двигается скала. К выходу из норы, к основной шахте, к девице, что плясала. И мужики рванули, толкаясь локтями, спотыкаясь, топчя друг друга, а потолок оседал перед ними и за ними, и пыль заполняла рты и глаза. Ударило что-то Степана по уху, сбilo с ног. Повалился он наземь, перекатился через кого-то и пополз к свету, к Хозяйке, хрипя и глотая кровь, невесть откуда залившую рот. А она в глаза ему глянула и кивнула. Бережно каменная порода опустилась на спину Степана, как шуба меховая, прижала, и сдвинуться он больше не смог. Только смотрел вверх, на Хозяйку, завершающую страшный напев, а свет печи на входе в выработку становился все тусклее и гас, лишенный воздуха, покуда не потух вовсе.

ГЛАВА 1

ПЕСНИ СКАЛ И ИКОН

*Если хочешь говорить с камнями,
Научись молчать.*

КАЛЕВАЛА. ВЕДЬМА

Йоли. 1713 год. РЕКА ПОЛЕВАЯ

— Какой водный куль тебя к нам принес, несчастье?!

— Простите, — взмолилась Йо́ли, поскорее отгребая веслом.

— Ты что, не видишь колья?! Мы только сети поставили! — закричал Айи.

— Да остановись, дура!

Лютя бросился вплавь за Йоли, пытаясь схватить то ли лодку, то ли весло, и с испуга девочка загребла еще быстрее.

— Зацепилась! — завопил Лютя. — За весло сеть зацепилась!

Йоли опомнилась и принялась судорожно освобождать лопасть от снастей.

— Не порви, глупая! Отпусти его! Брось в воду! — продолжал орать Лютя.

Но пальцы Йоли не желали расставаться с веслом, а течение потихоньку несло лодку и растягивало невод по всей реке Полевой, вытрясая из него последнюю рыбу.

Только дернув весло на себя, девочка наконец высвободилась из плена.

— Чтоб тебе рыба сразу тухлая на крючок шла! И не смей к нам подходить вдругорядь, зараза горемычная, иначе косы оборвем! — доносились ей вслед проклятия и угрозы племяшей.

Йоли, полыхая лицом, поскорее отвернувшись и схватилась за волосы, прижав к груди единственное свое богатство — косы ее, блестящие, черные, выросли едва ли не до самых пяток, потому никак нельзя было позволить их оборвать.

Полевая у истока больше напоминала мелкий ручей, чем реку, особенно летом, в жаркий сезон, когда дожди являлись лишь с грозами: для виду шумными, кипучими, но стремительными. Пролетая небосвод за мгновение, они успевали разве что сбрызнуть иссушенную землю. Однако хап* Йоли легко проходил между камнями и кочками, ведь отец смастерил его совсем крохотным, таким, чтобы и десятилетняя девочка могла с ним совладать.

Под днищем хапа стайками носились красноглазые плотвички, которых сподручнее всего было вылавливать сетью или плетеной ловушкой, однако Йоли с ее-то вечной неудачей таких важных снастей не доверяли. Потому юная рыбачка достала удочку и взмахнула ею, намереваясь закинуть березовый поплавок в воду, но сделала это слишком поспешно, и тончайшая леска из оленьих сухожилий зацепилась за низко свесившуюся над рекой ветвь, а течение именно в этот миг бросило хап вперед. Девочка едва успела схватиться за борта хапа и с отчаянием услышала звон рвущейся лески.

Это ж надо было! За одно утро порвать чужие сети и свою же леску! Она и вправду дура горемычная! Йоли только и успела проводить взглядом снасти, оставшиеся болтаться на березе, как река, вновь извернувшись, скрыла их из виду.

* Долбленая лодка манси.

К счастью, у Йоли имелся запасной крючок, да и леска оказалась припасена в берестяной суме. На сей раз девочка выверила каждое движение и, без помех закинув удочку, принялась ждать клева, не переставая досадовать на себя за первую неудачу: как прознают про сети и леску родные, так снова скажут, что не зря... Ох, не зря получила Йоли свое злосчастное имя... А дед ее, Йипыг-ойка, так и вовсе в сотый раз напомним, что не только рождением, но и всей своей жизнью она доказывает свою бестолковость и непутевость. Представив, как старик вновь говорит, что лучше бы Йоли никогда не рождалась на свет, и отправляет ее с глаз долой, девочка всхлипнула и разразилась надрывным плачем, разгоняя рыбу да комаров.

А дело было в том, что Йипыг-ойка, их старый шаман, давно ждал появления наследника своей могучей древней силы, а наследником всегда становится лишь первый мальчик в роду. Но сына Йипыг-ойки, отца Йоли, духи отчего-то не выбрали, и шаман до сих пор частенько припоминал ему это. Однако тогда старик решил, что сила обязана перейти к первому внуку, чем и утешился. Только вот вместо мальчишки у отца Йоли появилась девчонка. Горевали родичи всем павылом* — как же так: великая шаманская сила не продолжилась! Это было дурным знамением. И именно в тот год на них обрушилась засуха с неурожаем, а Йипыг-ойка, решив, что всему виной новорожденная, нарек девочку Йоли, что значило: не первая в роду, каким должен был стать мальчик, а последняя — самая «нижняя» и приносящая беды. А ко всему прочему, по мнению старика, Йоли слишком медленно росла, ведь оставался от нее единственный толк: выйти замуж и родить столь долгожданного наследника силы.

Вздых вырвался из груди девочки. Казалось бы, вырасти и родить не такая мудреная задача, но Йоли со страхом

* Деревня манси.

ждала того дня, когда ее выдадут замуж, ведь она-то, горемыка, наверняка умудрится родить не сына, а дочь, и тогда Йипыг-ойка просто убьет Йоли с досады.

С другой стороны, если ей удастся родить сына, она станет матерью великого шамана и будет всеми почитаема и любима. Тогда-то все заметят, что Йоли — хорошая, и она будет очень-очень стараться стать доброй хозяйкой, и кончатся ее несчастья, и даже Йипыг-ойка поймет, что она не никчемная, не приносящая горе, а обычная. Лишь бы только ей удалось родить этого самого сына!

Под знойными лучами солнца лодка еле заметно ползла по течению Полевой, и Йоли лишь иногда правила ее веслом. Рыба то и дело клевала, девочка вытаскивала ее из воды, снимала с костяного крючка и бросала на дно хапа. День казался тягучим и медленным, а горячий воздух давил сонной истомой.

Высоко над истекающими смолой соснами показалась двурогая голова горы Азówki. Внезапный ветер донес до Йоли странный гудящий звук, будто где-то в недрах горы пробудились камни и запели между собой. Их гул сделался настойчивее и покатился по тоненькой речке, взволновал воду, качнул лодку. Йоли испуганно плюхнулась на дно, чувствуя, как в жилах что-то задрожало, зазвенело, поднялось к сердцу и забилося щекоткой в горле.

Азовка была ее дальней сестрой из Большого народа. Сама Йоли — из малых людей, живущих в лесах, где Большие братья обитали много тысяч веков назад. Когда-то они расселились вдоль рек, а потом обратились в скалы. И хвала богам за такую милость, иначе эти гиганты и их кони точно раздавили бы манси и не заметили. У реки Полевой заснула каменным сном лишь одна сестра из Большого народа: улеглась Азовка на спину, да тело ее ушло под землю, одна голова рогатая на поверхности осталась. Но вот теперь она ожила, и песня ее, дрожащая, тягучая, казалось, приветствовала идущую по реке лодку.

— У-у-у, — как могла, загудела Йоли в ответ, боясь, однако, что ее детский голос слишком высок и тонок и Большая сестра попросту его не услышит.

Но Азовка будто вздохнула, набравши воздух, и издала гулкий нездешний клич.

— Я жду тебя. Приди ко мне! Стань моим голосом! — различила обомлевшая Йоли в рокоте скалы.

Только реке Полевой не было дела до разговоров человека с камнями, и, обогнув хребет, она излишне быстро, точно из вредности, помчала хап вниз по течению.

* * *

В ту пору мать Йоли ждала рождения младенца и потому переселилась в мань-кол*, откуда вовсе не показывалась уже вторую неделю, и в отцовский дом переехала бабушка.

Сама Йоли была из рода Ворон, а бабушка — из рода Ящериц, живущего в соседнем павыле. Давным-давно Ящерицы и Вороны не поделили охотничьи угодья, да так и рассорились, не сумев договориться. Вот только мать Йоли, Ящерка, была крепко влюблена в отца Йоли, Ворону, и против родительской воли вышла за него замуж. Много лет семья Ящерки обижалась на нее и делала вид, что никакой дочери у них нет. Однако этим летом, едва отгуляли праздник рыбной ловли, бабушка прознала, что Ящерка на сносях, и вдруг смиростивилась да приехала на подмогу. Мать и дочь сухо поздоровались, будто и не разлучались на десять зим, и Ящерка переехала в женскую избушку — поджидать срок, а бабушка взялась за хозяйство.

Старуха-Ящерица оказалась ворчливой и строгой, но поскольку давным-давно не имела дела с Воронами, то не знала, что Йоли — «дурное несчастье», и обращалась

* Женский домик. Изба, куда на время родов и менструального кровотечения переселялась женщина.

с ней как с обычным ребенком. Потому девочке мгновенно полюбились новая вредная бабушка, и она всеми силами старалась заслужить ее доверие.

— Сколь наловила... — бурчала старушка, глядя на добычу Йоли и словно досадуя, что девочка принесла обед, да и ужин для всей семьи. — Теперь вон чистить... Иди очаг разведи, что ли, воду вскипяти да соль неси, вялить еще придется.

Йоли помчалась исполнять указания, но не так рьяно, как хотелось бы, — ноги несли ее за дровами, руки разжигали огонь, а душа витала там, на реке, где Гора пробудилась и заговорила с ней. Только теперь, дома, в привычной беготне да работе, она засомневалась: правда ли были песня и зов или все почудилось и это хитрец-ветер задурманил ей разум?

Пока они с бабушкой разбирались с горой чешуи и острых плавников, Йоли решила спросить:

— Ба, как думаешь, скалы умеют петь?

— Не знаю, не слыхала.

— А поговорить с камнем или скалой человек может?

— Может, — проворчала бабушка, — но не всякий. Только великий шаман в силах слышать душу камня и говорить с ней.

Йоли распахнула глаза, но в это время мимо прошел Йипыг-ойка и присвистнул, взглянув на улов. Старый шаман жил отдельно от всех, но отобедать частенько являлся к родне.

— Йоли вот всего за утро наловила, — невзначай бросила бабушка, и девочка покраснела от похвалы.

— А-а... — Йипыг-ойка мигом поскущел.

— На обед зайдешь?

— Нет уж. Да и сами ешьте осторожнее, чтобы не потравиться. — И, плюнув, пошел прочь, будто совсем по другим делам в Ургалан-павыл* заходил.

* Сторожевая деревня (манси).

«Неужели он и впрямь решил, что рыба отравлена, только потому что это я ее наловила? — с отчаянием подумала Йоли, глядя, как бабушка опасливо принюхивается к потрохам. — А сейчас и последний, кто меня бедой не считал, уверится в обратном!» Но затосковать Йоли не успела, потому как старая Ящерица, пожав плечами и, видимо, не придав словам шамана особого значения, продолжила разделывать тушки. Лишив десяток рыбин голов, плавников и хвостов, бабушка с внучкой развесили их в тени между деревьями. Вдруг со стороны родника раздался тихий и какой-то уже знакомый гул. Йоли покосилась на бабушку, но та как будто вовсе не заметила ничего странного. Не в силах сдержатъ любопытства, девочка соскочила с места.

— Я за водой, — сказала она и поспешила на звук.

Недалеко от павыла из-под земли бил ключ, чей длинный хвост впадал в реку Полевую, и гул шел прямо оттуда, из источника, но не от воды, а от камушков, по которым скакал посмеивающийся над жарой ручей. Звучали они не так, как Азовка, пели тоньше и тише, почти по-людски, и губы девочки сами открылись, повторяя эту мелодию, а правая рука взмахнула, задавая ритм. Вслед за поднявшейся ладонью из ручья, точно повинаясь жесту, взлетели два камня. Взлетели, да и повисли в воздухе у самых пальцев, вращаясь и переливаясь на солнце блестящими от воды боками. Йоли прыгнула босыми ногами в ручей и заплесала, хохоча и притопывая: вслед за ее голосом все больше и больше мелкой гальки взмывало в воздух, ожерельем вращаясь вокруг.

* * *

Минуло семь дней, и нынче поутру Йоли решилась на кое-что тайное. Такое, что взрослые могли не одобрить, и оттого она дрожала, украдкой оглядываясь на Ургалан-павыл, и все быстрее работала веслом, поднимаясь в хапе против

течения Полевой. Плечи ее сводило от усилий, белесый туман, расплетшийся по ветру, звенел комариным роем, а небо уже вытянуло над горизонтом розовый язык рассвета. Река дышала свежестью, в камышах перекликались потревоженные приближением лодки птицы.

То, что задумала Йоли, виделось ей настолько торжественным, что перед выходом девочка переплела косы и надела матушкин пánжос*, расшитый каменным бисером, да ажурный нагрудник с медными оберегами. Грести против течения было тяжело, а добраться предстояло до самого истока, потому Йоли вышла на воду еще до зари. Уже седьмой день подряд из-за изгиба реки дух горы Азовки тянул низкую и беспокойную песнь, и в пении этом Йоли отчетливо слышала свое имя. Чтобы не спугнуть чудо, она не рассказала никому из домашних ни про зов, ни про камушки, взлетавшие из воды по ее слову, и сегодня решила подняться на самый высокий Рог Азовки да узнать, правда ли скала поет не просто от скуки, а для нее, для крошечной, едва заметной среди лесной чащобы девчонки. Ведь если это правда, значит, Йоли — избранница духов, шаманка, и все в павыле наконец-то поймут, что она не горемыка бесполовая, и прекратят издеваться над ней, и даже Йипыг-ойка больше не скажет, что Йоли — никчемная.

Солнце уже катилось над бором, когда каменные перья скалы показались за соснами. Перекликались птицы, шумела река, но никакого зова не доносилось из чащи. Йоли прищурилась, силясь разглядеть коварную вершину, ради которой она в ночь удрала из дома. Может, и не было никогда пения горы? Может, Йоли придумала все? Не желая верить в происходящее, девочка треснула себя по уху. В голове зазвенело, но Азовка так и хранила молчание, будто не рада была их встрече, и Йоли, разочарованная, потянулась за удочкой — не пропадать же бездарно целому дню.

* Бисерный обод на голову.

Подниматься на вершину священной горы без приглашения духов девочка не хотела, но и возвращаться домой ни с чем казалось постыдным, и она, зацепившись веревкой за березу, раскинувшую ветви у самой воды, остановила хап посреди речки да закинула крючок с наживкой. Нарядная... в дорогах украшениях и оберегах... Дура бестолковая...

Рыба клевала как-то лениво, доедался последний кусок вяленой оленины, припасенный на день, а солнце поворотило к закату, и сосны вытянули над рекой длинные синюшные тени.

Истерзанная ожиданиями и сомнениями, Йоли, наконец сдавшись, отвязала веревку и направила хап к павылу. Полевая, словно обрадовавшись ее смирению, подхватила суденышко и бодро помчала вперед. В этот миг низкий рокочущий гул зазвучал за спиной. Округлив глаза, Йоли обернулась: напевный зов стелился по воде вместе с лучами заката.

Камень ожил или то завыл обманчивый ветер, заплутавший меж скалистых утесов?

Несколько гребков, и лодка ударилась о берег. Размотать веревку и накрепко зацепить хап за ствол сосны; глянуть на него напоследок — и прочь! Бежать прочь к сокрытой за лесом вершине. Сквозь папоротники и кусты туда, вперед, к верху, к далекому Рогу, пока не оборвался чудной, потусторонний зов. В лицо Йоли бросилось что-то призрачное и липкое, девочка с досадой смахнула паутину и остановилась, едва дыша. За соснами не видно было, далеко ли еще до вершины, но тут она заметила просвет меж деревьев и поспешила к нему. Путь ей преградили, точно вышагнули из-за стволов, три высоченных идола. Йоли шарахнулась, не ожидая здесь, на скале, наткнуться на грозные лики предков. Она спешно поклонилась им и бочком проскользнула мимо. Оказавшись за спинами идолов, Йоли выдохнула и застыла. Зов смолк, а за ним и весь лес. Тишина запертого погребца поглотила мир. Затихли птицы, ветер и даже комары. Йоли ощутила на шее чей-то неприязненный взгляд.

Обернувшись: за лиственницей стоял кто-то белый, прячущий лицо, но едва девочка перевела на него глаза, дух исчез.

Йоли рванула наверх. Не глядя на открывающиеся дали, она скакала по камням и подтягивалась, сдирая ногти, а белые тени преследовали ее, мелькая между стволами. Однако вот и Рог — торчит бивнем великанского вепря, потрепанный ветрами и столетиями. Только путь к нему преградила веревка, украшенная монетами, — защитный барьер. Йоли, не раздумывая, юркнула за обережную нить; звякнули металлические бляшки, и тени, гнавшиеся за ней, остались по ту сторону, как за незримой стеной. Белые духи, с человеческими телами и птичьими ликами, более не прячась, глядели на нарушительницу покоя красными точками глаз.

Йоли зажмурилась, с ужасом подумав, что ей придется спускаться с горы и вновь проходить мимо этих клювастых призраков, когда придет время вернуться домой. От этой мысли девочка едва не заплакала и, чтобы не думать о расстроенных духах, пошла вперед. Камни теперь ложились ступенька к ступеньке, словно Азовка сама приглашала подняться на Рог, и вот она — вершина мира!

Солнце, будто розовое масло, растаявшее и растекшееся по небу, исчезло за горизонтом. Остались лишь облака, ветер и Йоли над макушками сосен. Голова закружилась. Внизу: холмы, долины, затянутые туманом, и реки — все у ног того, кто осмелился забраться на священную гору, кто был отдельной душой и одновременно частью этого безграничного мира. Азовка загудела требовательно и вывела девочку из очарования. Йоли, глубоко вдохнув, запела. Голос ее был тихим лепетом по сравнению с рокотом скалы, но и от него задрожали и поднялись в воздух мелкие камни, помчались хороводом. И девочка захохотала, а сердце ее радостно застучало в груди.

— Я здесь, я пришла на зов, — закричала она, вскинув руки.

Рог древней Азовки задрожал в ответ. А может ли Йоли поднять в воздух не только камни, но и всю скалу? Заставить петь и танцевать с нею? Может! Сейчас она может все! Ветер вздернул подола юбок, ударил в лицо, Йоли закружилась, заплясала с ним и топнула по вершине, требуя повиновения. Скала зашаталась, словно ее закачали невидимые щипцы, и под босой пяткой, куда пришелся удар, появилась трещина, помчалась вширь, и вдруг перед лицом Йоли мелькнули чьи-то желтые глаза, в нагрудник вцепились когти, и огромный филин повалил шаманку наземь. Йоли пискнула, но не посмела оттолкнуть от себя птицу. Она вся сжалась, будто сделала что-то ужасное, и попыталась уменьшиться, втиснувшись в камни. А филин, почуввав, что жертва не сопротивляется, разжал когти и, спрыгнув с нее, недовольно махнул крылом, перекинувшись в чело-века. Йоли чувствовала, как скала давит ей под лопатку, а пальцы рук немеют от холода.

— А я-то думаю: кто это духов тревожит? — притворно добродушным голосом произнес Йипыг-ойка. — А это Йоли. Ну надо же!

Йоли молчала, не зная, чего ждать от старика.

— Дитя, Азовка — священная гора. Девочкам нельзя сюда. Неужели ты позабыла об этом?

— Нет.

В полумраке нос шамана почудился Йоли ястребино-острым — того и гляди старик сейчас наклонится и язык ей выклюет.

— Это камень позвал меня, он сам! Иначе я бы ни за что!

— А ты пришла, да и расколола его? — Старик нагнулся к ней, и глаза его, желтые, птичьи, оказались у самого лица девочки.

Она не выдержала и зарыдала:

— Я случа-а-айно!

Йипыг-ойка усмехнулся, обнажив кривые зубы, и безразлично наморщил нос.

— Еще бы, не от ума большого точно. Ты не смела ступать на Азовку, не то что пяткой ее Рог бить. Как только в нашем роду могла такая бесстыжая дочь появиться? Тьфу.

Йоли заплакала еще пуще, и Йипыг-ойка замахнулся, намереваясь отвесить ей затрецину.

— Но... Но она же сама меня позвала! Камни пели, и я шла за ними и...

Рука Старика-филина в досаде хлопнула по воздуху, пролетев мимо головы Йоли.

— Значит, камлала тут? — произнес шаман, и тон его изменился.

Девочка притихла, чувствуя, как по ее боку течет ледяная капля пота.

— Камни слышишь... Тем хуже. Пойдем-ка. — Он поднял Йоли за воротник, схватил за ухо и потащил с горы.

Обжигающая боль в выкрученном ухе, жесткая рука шамана, камни, осыпающиеся под босыми ногами, сосняк, красноглазые духи, которые шарахались от старика, папоротники, ее хап, а затем стремительный спуск по течению. Родной берег и запах дыма из печей павыла не принесли спасения — не пустив Йоли в дом, Йипыг-ойка потащил ее к себе в избу, стоящую на окраине леса. Девочка прежде не смела туда и заглядывать — уж больно много жути баяли про дом шамана, — да если бы и хотела зайти, то точно не ведомая за онемевшее ухо. Верно, старик решил отрезать его ей в наказание. Йоли уже не плакала, она поняла, что Йипыг-ойку не разжалобить: шаман не вымолвил ни слова за весь путь и даже не посмотрел на нее. Похоже, если раньше он ее просто недолюбливал, то теперь — ненавидел.

Добравшись до своего дома, старик успокоился и пробормотал:

— Так вернее всего будет.

Усадив Йоли в центре жилища, Йипыг-ойка зашарил по сундукам. Девочке оставалось только водить глазами из стороны в сторону: со стен на нее строго глядели

деревянные пупыги*, обмотанные тряпками, на шкурах висели маски и бубны, а старый шаман все бормотал и бормотал что-то, разводя огонь в каменной чаше и поджигая в нем какие-то вонючие ветки.

Глаза пупыгов начали светиться, и рты их тоже забормотали что-то свое, на языке древнем и вовсе незнакомом Йоли. Дым из чаши за клубился, приобретая очертания зверей и птиц, а Йипыг-ойка вдруг выдернул волос из своей косы и резанул ножом по ладони. Обмазав волос кровью, шаман всунул его в костяную иглу, а затем провел ею и всей волосяной нитью над пламенем. Нить тут же вспыхнула и сгорела. Тогда Йипыг-ойка приблизился к Йоли, взял ее за подбородок, приподнял лицо и, видимо, чуя сковывающий девочку страх, как-то даже ласково произнес:

— Нельзя женщине этой силой владеть, Йоли, нельзя. Кошунство это. Нет у тебя пятой души, чтобы с духами говорить как должно.

Одной рукой он оттянул девочке обе губы, а другой проткнул кожу навывлет костяной иглой. Йоли и дернуться не сумела, обездвиженная то ли болью, то ли шаманством, и только ощущала, как слезы наполняют глаза, а на месте проколов выступает, а затем течет по подбородку горячая кровь.

— Так-то оно вернее будет, надежнее. Ничего, заживут дырочки, будешь как прежде, только потише, — приговаривал старик, зашивая рот Йоли невидимой нитью.

ДАНИЛКА. 1778 ГОД. ДЕРЕВНЯ КОЛТАШИ

Лики святых глядели на Данилку золотыми глазами, чаруя благодатным светом. Они были безупречны, и верно, рука, писавшая их, принадлежала человеку с самой доброй

* Статуя божества или предка.

душой во всей Сибирской губернии. Ведь только чистое сердце могло сотворить подобное.

Прикусив губу, Данилка отстранился от образа. А что, если у него никогда не получится писать так же? Все иконы, что он создавал, как будто не дышали и не жили — им словно не хватало чего-то... Но чего? Он не знал.

Данилка много набивал руку, но свобода и сила чувствовались лишь в его тайных рисунках. Но даже помыслить о сравнении их с иконами было боязно, потому как в этих набросках кисть Данилки рождала чудовищ, мало похожих на людей: изломанных, с оскаленными ртами, рвущих на себе волосы, кричащих... Настолько далеких от святых ликов, что казалось, между ними пролегла пропасть, а сам Данилка — просто бездарный мастер.

— Может, не нужно мне ехать учиться? Не стоит покусаться на святое? — прошептал он, обращаясь к иконе.

В чадающем мерцании свечей взор мутился, но вдруг различил, как уста Богородицы приоткрылись и молвили:

— Иди и оживи, что мертво, Данила.

Почудилось, нет ли? Но не бывает таких совпадений! С колотящимся сердцем он кивнул, всматриваясь в лицо Пресвятой Девы, и перекрестился.

Батюшка читал молитву, и стены храма наполнялись неземным пением, от звуков которого волновались бесчисленные огни. На глаза Данилки навернулись слезы, и, чтобы вовсе не разрыдаться на людях, он отошел от иконы и, глядя под ноги, протиснулся к выходу.

Кто же мог знать, что его скромная просьба о благословении обернется настоящим напутствием? Конечно, он пойдет и оживит, что мертво: отправится в Невьянск и там научится писать иконы! Прекратит рисовать чудовищ и поймет, как творить чисто и чтобы по правде. Все-таки он не совсем пропащий!

Данилкина семья вышла из крепостных заслугами старшего брата Степана, однажды нашедшего в руднике самую

большую в Российской империи глубину малахита, такую, что выручки от нее хватило и приказчику, и барину, да и на откуп самому Степану, его матери, брату и младшим сестрам. Так Данилка, к тому времени уже влюбленный в рисование, оказался свободен от барской воли и смог выбирать, чем в жизни заняться. Не задумываясь, пошел он в ученики к сельскому священнику да начал иконы писать. И была у него недурная техника, только самому Данилке работы его казались бездушными, а знаний старика-учителя не хватало, дабы его направить. Тогда Данилка решился пройти испытание в знаменитой Невьянской иконописной школе и вскоре, к удивлению своему и восторгу, получил весточку, что принят и может учиться.

Узнав о скором отъезде сына, мать Данилкина развела целый ураган вокруг и то причитала, что не отпустит дитя, то собирала вещи в дорогу. Данилка только диву давался: отчего же со Степаном она так не носилась, когда тот на рудник уезжал? А уж невеста Данилкина, Катерина, и вовсе залилась слезами, будто жениха ее там, в Невьянске, в подвале запрут и никогда больше не выпустят.

Вспоминая все это, Данилка пропустил свою улицу и, завертев головой, понял, что теперь предстоит изрядно возвращаться. Только сейчас он заметил, что дрожит от холода, и крепче затянул сползший и уже волочащийся по земле шейный платок — украшательство собственного изобретения.

— Я получил благословение! — С зимней вьюгой Данилка ворвался в избу.

— Данилка... — запричитала матушка.

— Мне сама Богородица добро дала, что уж тянуть? Завтра же отправляюсь!

— Дани-и-ила...

— Оставь, матушка, я уже не дитя, ты меня женить собралась, а в Невьянск отпускать не желаешь? — Данилка стащил с головы шапку и прямо в тулупе повалился

на лавку. — Самому Господу угодно, чтобы я иконы писал, чтобы оживлял да учился.

Матушка вздохнула и сложила молитвенно руки:

— Данилка...

Он наконец умолк, заметив, как обеспокоенно надломилась ее брови.

— Данилка, ведь второй месяц от Степана нет вестей. Съезди в Полевую, узнай, в чем дело, — не пропадал он так надолго прежде. Боюсь я уже, вдруг с ним случилось чего, вдруг захворал или что... Узнай, проведай, а после и учиться поезжай с чистым сердцем.

— Как два месяца? Недавно ведь письмо получали... Зима уже была, как сейчас помню.

— Зима, да. — Мать терпеливо кивнула. — Но ведь зима уж к концу близится, а больше не приходило писем.

Задумавшись, Данилка уставился в потолок: зима — к концу близится? Как же он не заметил? Попытался оживить в памяти прошедшие события и отыскать в них весточку от Степана. Грамоты брат не знал, и послание на желтой бумаге было выведено аккуратными буквами писаря, и что-то там говорилось вроде «жив, здоров» и про невесту, с которой мечтал их познакомить... За окном тогда мело, а Данилка писал «Воскресение Лазаря» — он так до сих пор его и не доделал, кстати, потому что отвлекся на череду набросков, которые потом сжег, испугавшись, что младшие сестры, повадившиеся рыскать в его углу, наткнутся на эти плачущие и злые лики. Минуло Рождество, а затем Данилка с головой ушел в подготовку к вступительным испытаниям и, похоже, не обратил внимания, как пролетела вторая половина зимы.

Тем временем матушка по-своему истолковала его молчание.

— Но тебя ведь в школе ждут! Нехорошо получится: только поступил, а уже не явился! Конечно, сама поеду. — С этими словами она поднялась и, схватив туесок со стены,

начала забрасывать в него ложки, платки, хлеб и миски. — С ямщиком от почты к почте, глядишь, доберусь, а девки... — Она махнула в сторону горницы, где пряли и вязали сестрицы. — Большие уже, сами без меня справятся.

Данилка торопливо поднялся и придержал матушку за ремень туеска, пытаясь ее успокоить.

— Погоди. Конечно, съезжу, проведу! До Полевой-то день-два ходу, не страшно. В школе и не заметят, что опоздаю.

* * *

Так уже на рассвете следующего дня Данилка трясся в ямщицкой кибитке среди связок писем и коробов, но направлялся не в загадочный город Невьянск, как еще вчера представлял, а в противоположную от мечты сторону — в деревню при руднике и заводе. Оставалось только грустить, сетуя на брата. Данилка не сомневался: Степан просто запамятовал отправить письмо матери, увлекшись работой, а может, снова нашел в недрах какой-нибудь несусветный камень и, забывшись сказать родне, празднует уже третью седмицу. Ведь случись что серьезное, им бы сообщили! Не сам приказчик, конечно, пришел бы с новостями, но письмо б черкнул, или невеста Степанова, на худой конец, передала бы весточку.

Данилке надоело болтаться внутри кибитки, он вылез на облучок и завертел головой по сторонам, усевшись за спиной ямщика Павла Андреича, который, нахохлившись, словно замерзший воробей, крепко сжимал вожжи. Озверевшая стужа кусала за щеки и нос что в кибитке, что на улице, но снаружи было все же полюбопытнее: радовали взор выбеленные инеем березы, развесившие паутину ветвей вдоль дороги; мелькали заснеженные поля и островки лесов. Кибитка, делая остановки лишь на почтовых станциях, мчалась мимо деревень да сел, пахнувших дымом и хлебом.

— А что, Данилка, матушка-то замуж сызнова не собралась? — спросил Павел Андреич.

— Не...

— А что так? Не хочет али не предлагал никто?

Данилка пожал плечами. До этого он и не задумывался, отчего мать, уже десять лет как схоронив отца, так и не вышла повторно замуж.

— А вам это к чему?

Павел Андреич как-то весь сжался и, посопев, перевел тему:

— Тебе, Данилка, в какую деревню-то надо?

— В Полевую.

— Ба! Да мы ее уж сколько вех назад проехали, ты что же не сошел?

Данилка захлопал ресницами, оглядываясь на заснеженную равнину.

— Так то Полевая была? Я думал, она у горы высокой — Медной... В которой рудник-то, а не было же никакой горы.

Почесав шапку, Павел Андреич потянул на себя поводья, становя коней.

— Горы высокой тут отродясь и не водилось... Но это... Обратно я тебя не повезу, иди по дороге. До ночи, поди, дойдешь до яма, а там и до самой Полевой рукой подать, она у реки, не заплутаешь.

Вечерело, но заблудиться на широкой, продавленной колесами дороге было трудно, и Данилка двинулся к загадочному селу, где, по словам Степана, находился рудник в великой Медной горе, только, как и сказал ямщик, горы-то и не было. Впрочем, с Данилкой вечно такое случалось — верно, опять он прослушал старшего брата и нынче все перепутал.

После нескольких ударов в колокольчик на крыльце станции отворилось окно, из которого вылез красномордый смотритель с усами щеточкой и на первый же вопрос о Степане сделал такое лицо, точно его этой щеточкой по лбу и приложили.

— Нет! Знать не знаем.

Он уже начал закрывать окошко, но Данилка сунулся в щель по самые плечи:

— Погодите, а кто может знать тогда? Это брат мой, он на руднике работает.

— Так на рудник и иди, у приказчиковых людей спроси. — Смотритель потихоньку тянул за ручку, похоже, надеясь выдвинуть Данилку из окошка наружу, но вдруг остановился. — А ты сам кто? — И, оглядев его, неожиданно проявил догадливость: — Искусник, что ли?

— Так и есть. — Данилка самодовольно поправил шейный платок.

— Так тебя ждут давно!

— Как? Кто?

— Ты ж Всеволод?

Данилка покачал головой, и усы-щеточка затрепетали.

— Но искусник? Лепишь, малюешь что-то?

Осторожно улыбаясь, Данилка кивнул.

— Ступай тогда к Прокопьючу и о себе доложи, он тебя уже заждался. Может, и о брате твоём подскажет. — И смотритель толкнул Данилку в грудь, мигом захлопнув окно.

В полумраке тусклой серостью отливали придорожные сугробы. Деревня Полевая, похоже, когда-то давным-давно держала оборону от неведомых Данилке врагов и потому была обнесена крепостной стеной, да только нынче разрослась и выплеснулась из-за ограждений, растянувшись между рекой и холмом. Он брел по дороге, мимо старых рогаток, враждебно ошетилившихся у стен, и опасно косился на деревенских собак, скалящих на чужака зубы. Однако, к удивлению Данилки, сами местные жители к гостям оказались привычны, и первый же встречный мужичок радушно объяснил ему дорогу к дому Прокопьяча, который стоял до крепостных ворот.

— Постой, а ты всех в деревне знаешь?

Мужичок не без гордости кивнул, однако от вопроса о Степане — старателе, который самый большой в стране малахит нашел, — у него точно отбило память.

— Было что-то такое вроде... да когда? И малахит какой-то, может, и Степан... Всего и не упомнишь. — Мужичок начал раскланиваться.

— А теперь, теперь где он?

— Ну, может, он не в Полевой живет, а где на выселках? Ты там поищи.

— Не-е-ет, Степан здесь поселился, я точно знаю.

Мужичок только развел руками и поспешил прочь. Проводив его растерянным взглядом, Данилка потащился к избе неизвестного Прокопьяча, отчего-то ждущего его. Он шел, загребая валенками снег и с надеждой всматриваясь в лица прохожих. Навстречу попались две молодухи, и Данилка остановился уточнить у них, верно ли идет. Они заулыбались, наперебой объясняя дорогу, однако едва он спросил про брата, молодухи переглянулись и одинаково поджали губы. Здесь же они вспомнили, что куда-то спешат, и свернули в ближайший проулок.

С утра Данилка думал, что найти брата будет куда проще: он опросил еще человек десять, но ответа так и не получил. «Какая-то нелепица... Прокопьяча они знают, а старателя, который несусветное богатство в земле нашел, нет?» В раздумьях Данилка пропустил нужный дом. Браня себя за невнимательность, он вернулся по улице и замер перед незнакомой дверью, пытаясь принять подобающий просителю вид. «Вдох-выдох, улыбнуться, снять шапку и постучать как должно, без лишней робости». Похоже, выходило у него все же достаточно робко: стучать пришлось долго, да и отворилась в итоге совсем не та дверь, в которую он нацелился, а боковая.

— Кто таков? — сварливо спросил хозяин, притом не показываясь за порогом.

— Доброго вечера, извиняйте, но меня с почты к вам отправили! — зататорил Данилка. — Я Данила, учусь